

DOI: 10.31857/S0321507525040063

## Контртеррористическая деятельность в бассейне озера Чад: проблемы эффективности

© Денисова Т.С.<sup>a,b</sup>, Костелянец С.В.<sup>a,c</sup>, 2025

<sup>a</sup> Институт Африки РАН, Москва, Россия

<sup>b</sup> ORCID: 0000-0001-6321-3503; tsden@hotmail.com

<sup>c</sup> ORCID: 0000-0002-9983-9994; sergey.kostelyanyets@gmail.com

**Резюме.** Рост числа исламистских организаций стал неотъемлемой чертой формирования мирового порядка в целом и одним из факторов политического развития Африки в частности. Причем исламисты все чаще меняют свои боевые тактики и стратегии и заключают союзы с зарубежными экстремистскими группировками, превращая внутригосударственный конфликт в транснациональный, что, в свою очередь, создает дополнительные проблемы для африканских правительств и побуждает их формировать новые модели сотрудничества в сфере безопасности. Со временем государства континента начали рассматривать подъем радикального исламизма как угрозу общеафриканскому миру и стабильности, а не отдельно взятой охваченной конфликтом стране, что привело к возникновению множества «специальных инициатив в сфере безопасности», к ведению совместных военных действий и к появлению многонациональных военных структур для противодействия терроризму. В статье рассматривается деятельность Многонациональной объединенной оперативной группы (МНООГ), созданной в середине 2010-х гг. для противодействия исламистам в бассейне озера Чад.

**Ключевые слова:** бассейн оз. Чад, Многонациональная объединенная оперативная группа, радикальный ислам, конфликты, контртеррористическая деятельность, международные отношения

**Для цитирования:** Денисова Т.С., Костелянец С.В. Контртеррористическая деятельность в бассейне озера Чад: проблемы эффективности. *Азия и Африка сегодня*. 2025. № 4. С. 21–29. DOI: 10.31857/S0321507525040063

## Counterterrorism Activities in the Lake Chad Basin: Challenges of Effectiveness

© Tatyana S. Denisova<sup>a,b</sup>, Sergey V. Kostelyanets<sup>a,c</sup>, 2025

<sup>a</sup> Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences,  
Moscow, Russia

<sup>b</sup> ORCID: 0000-0001-6321-3503; tsden@hotmail.com

<sup>c</sup> ORCID: 0000-0002-9983-9994; sergey.kostelyanyets@gmail.com

**Abstract.** The proliferation of Islamist organizations has become an integral aspect of the evolving global order and a significant factor in shaping Africa's political development. Islamist groups increasingly adapt their combat tactics and strategies, forging alliances with foreign extremist organizations. This shift transforms intrastate conflicts into transnational ones, exacerbating challenges for African governments and compelling them to develop new frameworks for security cooperation. Over time, states across the continent have come to perceive the rise of radical Islamism as a threat to peace and stability across Africa as a whole, rather than to individual conflict-affected nations. This recognition has spurred the creation of numerous ad hoc security initiatives, joint military operations, and multinational military structures aimed at countering terrorism. Examples include the ECOWAS Monitoring Group (ECOMOG), which participated in resolving armed conflicts in Liberia, Sierra Leone, Guinea-Bissau, and Côte d'Ivoire; the Regional Operational Task Force to combat the Lord's Resistance Army; the G5 Sahel; and others. This article examines the activities of the Multinational Joint Task Force (MNJTF), established in the mid-2010s to counter Islamist groups in the Lake Chad Basin.

**Keywords:** Lake Chad Basin, Multinational Joint Task Force (MNJTF), radical Islam, conflicts, counterterrorism activities, international relations

**For citation:** Denisova T.S., Kostelyanets S.V. Counterterrorism Activities in the Lake Chad Basin: Challenges of Effectiveness. *Asia and Africa today*. 2025. № 4. Pp. 21–29. (In Russ.). DOI: 10.31857/S0321507525040063

## ВВЕДЕНИЕ

Ландшафт безопасности в Африке быстро меняется, при этом «старые» угрозы трансформируются в «новые» и более сложные проблемы, появление которых обнажает слабости ранее созданных национальных и региональных институтов в реагировании на эти «новые» вызовы политической стабильности. С такими угрозами, как терроризм, транснациональная организованная преступность, распространение незаконной экономической деятельности и отсутствие продовольственной безопасности, африканские страны сталкивались и ранее, но их нынешнее проявление усугубляется тем, что эти угрозы быстро «модернизируются» в результате не только социально-экономической и политической динамики, свойственной государствам континента, но и под внешним влиянием. Деятельность экстремистских группировок становится все более смертоносной, организованной, ориентированной на экономические выгоды и религиозно мотивированной. Кроме террористической деятельности они занимаются незаконным оборотом наркотиков, контрабандой оружия и других товаров, нелегальной добычей полезных ископаемых, браконьерством и пр. Терроризм и другие угрозы представляют собой реальную и потенциальную опасность для африканских стран, прежде всего наиболее слабых, которые служат инкубаторами этих угроз.

Активизация в середине 2010-х гг. террористической организации «Боко Харам»<sup>1</sup> на территории бассейна озера Чад привела, как ни парадоксально это звучит, к сближению государств региона – Нигерии, Нигера, Чада, Камеруна и Бенина, между которыми не прекращаются территориальные споры, в борьбе против общего врага – исламизма [1]. «Боко Харам», а затем отколовшаяся от этой организации (в 2016 г.) вооруженная группировка «Западноафриканская провинция Исламского государства» (ЗАПИГ) изначально действовали в северо-восточных районах Нигерии, но в 2010-е гг. заметно расширили свое присутствие на соседних территориях, таким образом показав неспособность «африканского гиганта» самостоятельно противостоять исламистам. Возраставшая угроза безопасности всех стран бассейна побудила нигерийское правительство выступить с инициативой развертывания в регионе в 2015 г. многонациональных вооруженных сил – МНООГ (*Multinational Joint Task Force, MNJTF*) [2]. Одной из целей создания группы было обеспечение политической легитимности военной операции, на проведение которой предполагалось получить средства от международных организаций – АС, ООН и др. Соответствующий запрос был направлен в Совет Безопасности ООН в марте 2015 г. [3, р. 60].

Сама по себе концепция «многонациональной вооруженной целевой группы» подразумевает участие вооруженных сил разных стран для выполнения общей задачи в течение определенного времени. То есть она формируется как специальная группа для проведения военной операции с определенной целью на определенный или неопределенный промежуток времени. Группа может быть распущена, когда цель, для которой она была создана, достигнута или исчерпала себя.

В основу исследования деятельности МНООГ могут быть положены различные теории – коллективной обороны и безопасности, конфликтов и др., но авторы в своей работе опирались на теорию формирования альянсов (ТФА), которая, как представляется, в наибольшей степени соответствует рассматриваемой проблеме – эффективности действий группы в бассейне озера Чад. Главным положением ТФА является признание того, что военный альянс должен не только бороться с международным терроризмом, пресекать поток финансирования экстремистских ячеек и ограничивать распространение оружия, но и контролировать экономическую деятельность на пострадавшей от конфликта территории и предотвращать распад государства/государств<sup>2</sup>. Кроме того, государства формируют альянсы не для сбалансирования их сил, влекущего за собой соперничество и разногласия между ними, а для коллективного ограничения и сдерживания угроз.

## ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ, СОСТАВ И СТРУКТУРА МНООГ

Основы формирования МНООГ были заложены в 1994 г., когда была создана исключительно нигерийская организация – Многонациональные объединенные силы безопасности (МНОСБ, *Multinational Joint Security Force, MNJSF*) – для пресечения бандитизма и содействия свободному передвижению

<sup>1</sup> Организация запрещена в РФ.

<sup>2</sup> <https://www.harvardmagazine.com/2004/03/the-imbalance-of-power.html> (accessed 03.01.2025)

вдоль и через северную границу страны. В 1998 г. МНОСБ была расширена за счет подразделений из соседних с Нигерией Камеруна, Чада и Нигера – для обеспечения безопасности в бассейне озера Чад.

В 2012 г. в ответ на действия исламистов Совет мира и безопасности Африканского союза (АС) и руководство основанной еще в 1964 г. для управления водными ресурсами Комиссии по бассейну озера Чад (в составе Камеруна, Чада, Нигера, Нигерии, Алжира, ЦАР, Ливии и Судана) расширили мандат группы, который начал включать контртеррористические операции [4].

Однако до 2014 г. все договоренности оставались простой риторикой. Лишь подъем террористической деятельности, присяга тогдашнего лидера «Боко Харам» Абубакара Шекау на верность халифу запрещенного в России Исламского государства Абу-Бакру аль-Багдади, а также нападение боевиков на штаб-квартиру МНООГ в г. Бага на северо-востоке Нигерии в январе 2015 г. (после чего она была переведена в столицу Чада Нджамену) побудили Нигерию к укреплению военного сотрудничества с соседями, хотя ранее уже было подписано несколько Договоров о взаимной обороне с Нигером (октябрь 2012 г.), Соглашение о трансграничной безопасности с Камеруном (28 февраля 2012 г.) и Соглашение о трансграничной безопасности с Нигером, Чадом, Камеруном и Бенином (7 октября 2014 г.). Однако лишь с 2015 г. Нигерия начала поддерживать прочные военно-политические контакты с сопредельными государствами.

Изначально командиры МНООГ неправильно оценили силы «Боко Харам», рассматривая его как движение отдельных небольших бандитских группировок, использующих легкое вооружение. Лишь постепенно, по мере учащения атак с участием смертников, подрыва автомобилей и зданий, похищений людей и, главное, применения исламистами тяжелой военной техники, артиллерийских орудий, бронетранспортеров, гранатометов и дронов, это отношение стало меняться.

Кроме того, несмотря на большое число жертв среди жителей всех стран бассейна, долгое время лидеры этих государств рассматривали деятельность «Боко Харам» как «нигерийскую проблему» и военное сотрудничество сводилось к отдельным совместным приграничным операциям. Например, в 2013–2014 гг. войска Камеруна и Нигера, преследуя исламистов, заходили вглубь территории Нигерии, но эти события получили незначительную огласку из-за нежелания Абуджи показывать свою небоеспособность и потому, что рейды устраивались полевыми командирами разных стран по простой договоренности друг с другом. То есть амбиции руководителей государств региона и взаимное недоверие между ними препятствовали борьбе с распространением угрозы терроризма, не говоря уже о возможности реализации в бассейне озера Чад идеи «Африканским проблемам – африканские решения».

Лишь после того как многонациональный характер «Боко Харам» начал проявляться все отчетливее и выяснилось – благодаря разведанным, идентификации боевиков, захваченных в плен, очевидному их разноязычию и т.д. – что около 40% бойцов «Боко Харам» являются выходцами из Камеруна, Чада, Нигера и других стран Западной и Центральной Африки, было принято решение объединить региональные силы для борьбы с этой напастью. В преддверии президентских выборов 2015 г. в Нигерии, опасаясь, что деятельность исламистов приведет к их срыву, тогдашний президент этой страны Гудлак Джонатан организовал встречи в марте 2014 г. лидеров Бенина, Камеруна, Нигера и Чада в Яунде (Камерун), а в мае – в Париже, где были достигнуты договоренности о сотрудничестве в сфере безопасности. Позже подобные мероприятия состоялись в Лондоне (июнь 2014 г.), Абудже (сентябрь 2014 г.), Ниамее (октябрь 2014 и январь 2015 г.) и опять в Абудже (май 2015 г.) [5].

Операции МНООГ предполагалось начать – в пределах национальных границ – еще в ноябре 2014 г., однако этого не произошло, так как Совет мира и безопасности (СМБ) АС санкционировал подобное развертывание лишь 29 января 2015 г., считая необходимым пересмотреть «концепцию региональных контрповстанческих сил в многонациональном измерении»<sup>3</sup>. В результате группа начала действовать 30 июля 2015 г.

В рамках АС была создана т.н. Группа поддержки миссии (ГПМ, *Mission Support Team, MST*) в составе 14 сотрудников, находящихся в штаб-квартире МНООГ и занимающихся преимущественно осуществлением связей со спонсорами. Это позволяет Афросоюзу поддерживать постоянные контакты с миссией, оценивать ее потребности и по возможности «выбивать» из стран-партнеров более или менее крупную поддержку. Например, в 2022 г. АС получил от Китая 16 бронетранспортеров и распределил их по 4 на каждый из 4 секторов МНООГ [6].

<sup>3</sup> <https://www.aljazeera.com/news/2015/3/8/boko-haram-pledges-allegiance-to-isil-reports-say> (accessed 03.01.2025)

Основные страны – участницы МНООГ (Нигерия, Нигер, Камерун и Чад) сформировали национальные контингенты численностью от нескольких сотен до нескольких тысяч бойцов, размещающихся на территории своего государства, а Бенин направил в зону конфликта 150 военнослужащих для выполнения вспомогательных функций, но не для участия в боевых действиях<sup>4</sup>.

К марту 2015 г. при поддержке АС был подготовлен документ «Концепция операций» (*CONOPS*), содержащий подробную информацию о структуре командования и задачах миссии, среди которых были устранение присутствия и влияния «Боко Харам» в регионе, возвращение в свои страны внутренне перемещенных лиц (ВПЛ), облегчение доставки в пострадавшие районы гуманитарной помощи, предотвращение распространения оружия, освобождение похищенных и т.д. [7].

Вооруженные контингенты имеют право на преследование боевиков на 25 км вглубь территорий стран – участниц МНООГ. Изначально правительства рассматривали возможность создания трансграничных зон присутствия войск, но затем выбор был сделан в пользу специальных секторов в границах той или иной страны, чтобы избежать политических осложнений, прежде всего с Нигерией, в ходе возможных трансграничных передислокаций. В результате были созданы 4 оперативных сектора: в г. Маруа (Камерун), в Бага Сола (Чад), Монгуно (Нигерия) и в Диффе (Нигер)<sup>5</sup>. Национальные контингенты действуют в пределах своих национальных границ, и в этом заключается уникальность МНООГ и ее отличие от традиционных операций АС по поддержанию мира. Однако в ситуациях, когда это может быть сочтено необходимым, силы могут проводить совместные операции.

Распределение МНООГ по 4 секторам удобно для правительств, стремящихся защитить суверенитет своей территории и обеспечить контроль над своими вооруженными силами, однако подобная структура создает оперативные проблемы для Командующего силами, поскольку препятствует эффективному руководству совместными операциями. Кроме того, из-за наличия «национальных приоритетов» национальные контингенты не всегда готовы участвовать в совместном наступлении. Так произошло, например, в ходе операции *Lake Sanity* в 2022 г., в которой чадские войска участвовали лишь в течение короткого периода времени из-за решения Нджамены перебросить их – в интересах собственной безопасности – на другие участки [7, p. 103].

Надо сказать, что уже само по себе создание 4 оперативных секторов стало большим организационно-политическим достижением, однако различия в военной тактике, доктринах и ориентациях затрудняли и продолжают затруднять управление и координацию действий четырех контингентов. Например, войска Нигера и Камеруна имеют в значительной степени сходную, ориентированную на французскую, военную доктрину, в то время как военная доктрина нигерийских ВС сформирована по типу британской. В свою очередь, доктрина чадской армии не так четко сформулирована и обычно трактуется по своему командирами соответствующих подразделений [8].

Существуют и языковые барьеры: чадские солдаты и офицеры в основном говорят на арабском и не все понимают французский; нигерцы и камерунцы говорят в основном на французском и немного на английском, а нигерийцы – преимущественно на английском. (Впрочем, некоторые командиры и рядовые, вместо того чтобы полагаться на перевод с французского на английский и наоборот, предпочитают общаться на хауса или других местных языках.) Это означает, что эффективное командование в ходе операций становится затруднительным. Наблюдались случаи, когда национальные силы проводили операции без участия контингентов МНООГ, выступая до начала крупной совместной операции, или когда страны-участницы просто отзывали свои войска, как это сделал Нигер после того, как Евросоюз, АС, ЭКОВАС и некоторые другие организации наложили на него экономические санкции после июльского переворота 2023 г.<sup>6</sup> Между тем Нигер отвечает за сектор в Диффе.

В начале 2015 г. страны – участницы МНООГ договорились о совместном развертывании в бассейне озера Чад военных контингентов общей численностью 8,7 тыс. солдат и офицеров. К началу 2020-х гг. эта цифра составляла 8,5 тыс. [4, p. 795]. Схема распределения основных позиций – командир (нигериец), его заместитель (камерунец) и начальник штаба (чадец) – свидетельствовала об изменениях в отношениях между соседними государствами и о готовности Нигерии пойти на уступки, «допустив» на командные должности военачальников из других стран, хотя главнокомандующий всегда был представлен

<sup>4</sup> <https://dailypost.ng/2016/03/16/benin-fully-joins-war-against-boko-haram-deploys-150-soldiers-to-mnjtf> (accessed 03.01.2025)

<sup>5</sup> <https://pmnigeria.com/2022/11/24/confronting-terrorism-the-lake> (accessed 03.01.2025)

<sup>6</sup> <https://dailytrust.com/why-niger-withdrew-mjtf-troops-from-border-with-nigeria> (accessed 03.01.2025)

Нигерией. Изначально предусматривалось чередование представителей 4 государств на должности главнокомандующего, однако в угоду Абудже эта идея была отклонена и Нигерии было предоставлено право назначения главкома, что не могло не вызывать недовольство прежде всего Нджамены, так как именно войска Чада сыграли ключевую роль в операциях 2015–2019 гг.: эта страна отправила большой воинский контингент в Камерун для обеспечения безопасности на его северо-западной границе, и эти силы часто проводили наступательные операции на территории Нигерии, атакуя исламистов в местах их сосредоточения в штате Борно.

## ПРОБЛЕМЫ ЭФФЕКТИВНОСТИ

Вопрос недостаточного финансирования МНООГ не был решен за все время ее существования, поэтому группа не могла адекватно планировать и проводить крупномасштабные операции. Предполагалось, что значительная часть средств будет поступать от стран-членов, но по разным причинам все они, кроме Нигерии, избегали участия в финансировании и ожидали, что это будут делать внешние спонсоры. В результате на Конференции доноров в Аддис-Абебе в 2016 г. было решено, что Запад вложит в операции МНООГ \$250 млн, а Нигерия – \$100 млн. Страны бассейна стремились к тому, чтобы доноры, прежде всего Евросоюз, финансировали МНООГ напрямую, однако ЕС согласился это делать лишь через Афросоюз. В результате из-за сложности процедур европейские деньги надолго оседали в Аддис-Абебе (где находится штаб-квартира АС), и финансовые транши МНООГ получала намного позже их выделения. Таким образом, оплачивать содержание миссии приходилось Нигерии, которая уже вложила в операции МНООГ более \$200 млн, в то время как США, например, выделили Нигерии в 2015 г. на борьбу с «Боко Харам» всего \$5 млн. Правда, передачу некоторых средств анонсировали также британское правительство и Сообщество сахаро-сахельских государств – в общей сложности примерно \$4,5 млн, но эта сумма, впрочем, очень незначительная, так и затерялась где-то в водах озера Чад [4, р. 798].

Существует и проблема недостаточной подготовки бойцов МНООГ, не обученных вести нетрадиционную войну. В отличие от обычных боевых действий, в ходе которых противник соблюдает хотя бы какие-то правила, в столкновениях с исламистами никакие законы не действуют, так как они не вступают в открытые сражения, зато устраивают засады на дорогах, быстрые набеги с последующим отступлением, используют террористов-смертников и т.д. В результате солдаты МНООГ начинают чувствовать себя легкими мишенями и часто дезертируют [3, р. 22].

Всего с 2015 по 2024 г. МНООГ осуществила 6 крупных операций, которые привели к некоторому ослаблению исламистских группировок и обеспечили поставки гуманитарной помощи жителям отдельных пострадавших районов [9]. Однако достижения объединенных сил, как правило, были недолговечными: террористы выдерживали атаки, отходили в другие районы и перегруппировывались, а полиция, призванная обеспечивать порядок после окончания столкновений, оказывалась неспособной защищать мирных жителей и тем более начинать реализацию программ стабилизации. Все это позволяло террористическим группировкам возвращаться и отвоевывать территории, смешиваться с местным населением и создавать собственные структуры управления.

Так, самая крупная операция – *Gama Aiki* («выполненная работа» на яз. хауса) проводилась с июня по октябрь 2016 г. Наступление МНООГ началось в районах Дамасак и Маллам Фатори в Нигерии, закончилось на островах озера Чад и ознаменовалось, прежде всего, ликвидацией ряда высших командиров «Боко Харам», захватом или уничтожением оружейных складов и транспортных средств, а также «мастерских» по производству самодельных взрывных устройств (СВУ) [7, р. 103]. В январе – июне 2017 г. МНООГ провела операцию *Rawan Kada*, направленную на закрепление успехов *Gama Aiki*, однако многонациональные силы не смогли очистить все еще удерживавшиеся «Боко Харам» районы, в т.ч. несколько островов, и постепенно отступили [10, р. 10]. С марта по июль 2018 г. проводилась операция *Amni Fakat* для зачистки ряда районов, остававшихся под контролем исламистов, но она также закончилась неудачей. В январе 2019 г. началась самая длительная операция – *Yancin Tafki*, официально завершившаяся в марте 2021 г.; войска МНООГ продвигались столь медленно, что, несмотря на продолжительность военных действий, сколько-нибудь заметных успехов достигнуто не было [10, р. 16].

Более успешной оказалась операция *Sharan Fage* (2–24 декабря 2021 г.), которая привела к уничтожению 22 террористов, инфраструктуры и оборудования, а также к зачистке более чем 20 городов и де-

ревень [9]. Еще одна относительно успешная операция – *Lake Sanity* – была проведена с марта по июнь 2022 г. (первая фаза) и в апреле 2024 г. (вторая фаза) войсками Камеруна, Чада и Нигерии. Она была направлена на нейтрализацию удаленных баз и укрытий ЗАПИГ на островах. Было уничтожено около 140 повстанцев, арестованы 57 человек, 176 боевиков сдались силам МНООГ. Кроме того, было захвачено множество единиц военной техники и предметов материально-технического обеспечения, а также уничтожено несколько логистических баз и мест сбора повстанцев. Однако эти успехи привели к рассредоточению боевиков по периферийным районам, где они нападали на мирных жителей и грабили их. Например, 29 июня 2024 г. четыре террориста-смертника убили более 30 человек в г. Гвоза на северо-востоке Нигерии [7, р. 113].

Каждая страна-участница имеет собственное видение и собственный план «освобождения» своей части региона. МНООГ одерживала спорадические победы, что повышало боевой дух солдат всех армий, однако постепенно эффективность группы снизилась из-за разницы в наступательных приоритетах, нежелания 4 стран уступить друг другу командование в операциях и, соответственно, славу победы, зато в случае поражения они активно обвиняли в этом друг друга. Группа страдала от слабой координации действий, неподчинения командиров национальных контингентов общему командованию, стремления вести бои лишь на своей территории. МНООГ продолжает сталкиваться с логистическими трудностями и переживает отсутствие настоящего регионального фронта. То есть государства-члены борются с исламистами только в той степени, в какой это влияет на безопасность их стран; ситуация же на территории соседей их мало волнует. При этом каждая страна имеет национальную штаб-квартиру МНООГ и выполняет односторонние миссии. К тому же, страны-участницы опасаются давления на них Нигерии. Сказывается и соперничество между франкоязычными Нигером, Чадом, Бенином и – наполовину – Камеруном, с одной стороны, и «африканским гигантом» – с другой.

Отчасти недоверие между странами и их долгое «раскачивание» были связаны с различным восприятием угрозы и с разногласиями по поводу способов решения проблемы. Абуджа, чтобы сохранить лицо, представляла операции сил других стран, прежде всего Чада, на своей территории как прорыв в деле международного сотрудничества, при этом стараясь играть ведущую роль в борьбе с «Бoko Харам» и с остротностью относиться к более полной интеграции сил. В свою очередь, Камерун, Чад и Нигер рассматривали МНООГ как ненавязчивую координацию действий национальных контингентов и также не стремились к более глубокой интеграции, а раскол в «Бoko Харам» в 2016 г. и разделение группировки на две организации – собственно «Бoko Харам» и ЗАПИГ – осложнил для МНООГ борьбу с исламистами.

Отсутствие координации привело, например, к тому, что чадские солдаты, преследуя повстанцев, периодически вступали на территорию Нигерии без предварительного уведомления нигерийской части МНООГ, что усиливало трения между двумя контингентами и в конечном итоге побудило Нджамену вывести часть своих войск из зоны конфликта. Размолвки возникли и между Нигерией и Нигером: нигерийские солдаты называли нигерцев трусами, а последние нигерийцев – грабителями [4, р. 798].

Контингенты МНООГ набирались из различных районов стран-участниц, поэтому при развертывании в бассейне озера Чад солдаты не были знакомы с местностью и местными языками и им было сложно собирать разведданные, что позволяло повстанцам, имеющим тесные связи с местными жителями, постоянно находиться на шаг впереди преследовавших их войск и полиции. Проблемой было и то, как отличить боевиков-исламистов от местных жителей – мусульман. В свою очередь, способность террористов перемещаться внутри и за пределы региона и использовать местные природные и экономические ресурсы обеспечила их устойчивость перед контртеррористическими операциями.

Исламисты развивают в регионе т.н. экономику войны, контролируя сельскохозяйственную деятельность, в т.ч. рыболовство и животноводство, и собирая «налоги» с рыбаков, фермеров и скотоводов; в результате у местного населения нет иного выбора, кроме как принять условия повстанцев под их «гарантии безопасности». «Бoko Харам» и ЗАПИГ также использовали старые контрабандные пути через озерный бассейн и регион Сахеля для получения оружия и наемников, что снижает эффективность операций МНООГ, не знакомой с этими маршрутами и оказавшейся неспособной адаптироваться к высокой мобильности террористических групп, в т.ч. из-за отсутствия необходимого оборудования, средств связи и транспорта. Хотя ЕС в 2022 г. направил МНООГ специальные устройства для разведки, наблюдения и рекогносцировки (*Intelligence, Surveillance and Reconnaissance device, ISR*) и беспилотные летательные аппараты (всего 8, т.е. по 2 на каждый сектор), этого все равно недостаточно, тем более что это оборудование предоставляется в соответствии с контрактами, ограниченными по времени и не предпо-

лагающими его долгосрочного использования. Не хватает и необходимого ИТ-оборудования для обработки данных и изображений. А поскольку техническая подготовка солдат и офицеров не проводилась, сохраняется значительный разрыв между относительной доступностью указанных устройств и их эффективным использованием [10, p. 33].

Считается, что для обеспечения постоянной боевой готовности воинские подразделения должны располагать не менее чем 70% необходимого объема оборудования. Контингенты МНООГ могут удовлетворять едва ли 60% своих потребностей. Например, группа постоянно запрашивает у АС, но так и не может получить необходимые для противодействия СВУ миноискатели *Husky*, устанавливающиеся на транспортных средствах, что затрудняет перемещение военного и гражданского персонала миссии по территории бассейна. Между тем 60% потерь МНООГ и 50% смертей среди гражданского населения связаны именно с использованием повстанцами СВУ [5].

Эффективности действий МНООГ препятствует и регулярная ротация солдат и офицеров, так как на место военных, уже получивших опыт и знание местности, появляются новые, которые также должны проходить подготовку. Все это снижает способность МНООГ к развертыванию на регулярной основе, создавая длительные периоды между операциями и позволяя террористам перегруппироваться и менять стратегии.

Ограничивает усилия МНООГ и недостаток полицейских возможностей. *CONOPS* предусматривает наличие в составе группы полицейского контингента, который должен обеспечивать общественный порядок в зоне действий МНООГ, освобождать заложников, контролировать возвращение беженцев, бороться с преступностью, возвращать украденное имущество, выявлять и уничтожать источники финансирования террористов и в целом пресекать материально-техническую поддержку исламистских группировок. Однако в силу их малочисленности и слабой оснащенности полицейские подразделения пока не в состоянии выполнять все эти функции, поэтому местные жители для обеспечения безопасности на своих территориях и для поддержки МНООГ вынуждены создавать ополчения. Некоторые общинные формирования, например *Yan Gora* («молодежь с палками» на хауса), оказали существенную помощь в борьбе против исламистов, но при этом сами представляли собой угрозу безопасности населения, так как, обретя силу и безнаказанность, молодежь начала совершать многочисленные акты насилия, в т.ч. убийства и грабежи [10, p. 20].

Между тем МНООГ столкнулась с вызовами сразу на двух «фронтах» – и военном, и гуманитарном. По подсчетам Международной организации по миграции (МОМ) в 2023 г. страны региона приняли на своих территориях более 6 млн беженцев и ВПЛ: 76% в Нигерии, 12% в Камеруне, 7% в Нигере и 5% в Чаде [7, p. 104]. По оценкам Управления по координации гуманитарных вопросов ООН за 2023 г. 12,5 млн жертв конфликта нуждаются в гуманитарной помощи, 5,3 млн испытывают серьезную нехватку продовольствия. Это самые высокие показатели, зарегистрированные в регионе за годы наиболее острой фазы конфликта, т.е. с середины 2010-х гг. Причем цифры продолжают расти, тем самым ухудшая гуманитарную ситуацию, усугубляющуюся и другими проблемами – засухами, наводнениями, эпидемиями и конфликтами между скотоводами и земледельцами. Более того, последние подсчеты показали, что только в нигерийской части бассейна в результате насилия, болезней и недоедания, связанного с конфликтом, погибло около 350 тыс. человек, что примерно в десять раз превышает предыдущие оценки числа погибших в 35 тыс. для всего региона озера Чад [7, p. 104].

С 2021 г. МНООГ, несмотря на активизацию в последние годы деятельности исламистов, приступила к осуществлению второй части своего мандата – к реализации Региональной стратегии стабилизации, устойчивости и восстановления (РССУВ, *Regional Strategy for Stabilization, Recovery and Resilience, RS-SRR*), что происходит, впрочем, крайне медленно. Программа РССУВ была разработана Комиссией по бассейну озера Чад при поддержке АС и ПРООН в 2018 г. и содержит 9 пунктов, включающих, в частности, защиту прав человека, разоружение, демобилизацию, реабилитацию, реинтеграцию и возвращение в общество лиц, бывших связанными с исламистами; гуманитарную помощь, восстановление экономики, предотвращение насилия, расширение прав женщин и молодежи и т.д. Однако, как и все ей подобные, эта программа практически не реализуется из-за нехватки финансирования и соответствующих кадров. Так, ЕС предоставляет миссии через АС примерно \$500 тыс. в год, но эти средства покрывают лишь 15 небольших проектов в социальной сфере [11].

Тем не менее МНООГ удалось организовать в некоторых районах доставку основных продуктов питания, учебных пособий, медицинских и ветеринарных принадлежностей и построить несколько школ,

больниц и скважин. С 2021 г. более 200 тыс. беженцев и ВПЛ вернулись в свои дома. Кроме того, МНООГ предоставляет защиту и безопасный коридор для гуманитарных организаций. Это позволяет большому числу людей получить доступ к медицинским услугам и гуманитарной помощи [7].

В сотрудничестве с национальными радиостанциями МНООГ проводит пропагандистские кампании, подрывающие доверие населения к исламистам и побуждающие последних сдаваться властям. Так, с августа 2021 г. по декабрь 2023 г. силам безопасности четырех стран сдались более 100 тыс. человек – боевиков и добровольных помощников «Боко Харам» и ЗАПИГ. Главным фактором в решении боевиков сдаться стала вера в то, что они не будут убиты, а попадут под программу РССУВ. Пропагандистские кампании призваны привлечь на сторону МНООГ «умы и сердца» местных жителей. Однако, как показала практика, задача эта оказалась непростой: с помощью денег и различных посулов, в т.ч. благополучной жизни в трансафриканском Халифате, за создание которого они якобы борются, исламисты ставят под «знамена джихада» все больше и больше молодых жителей бассейна озера Чад.

## ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В конечном итоге МНООГ так и не добилась своей главной цели – уничтожения «Боко Харам» и Западноафриканской провинции Исламского государства, представив собой еще один пример не очень успешной попытки решить африканскую проблему африканскими силами, причем не только из-за ограниченных оперативных возможностей, но и из-за неспособности достичь консенсуса в формировании военной стратегии. Между тем активность исламистов в приграничных районах между Камеруном и Нигерией и на островах озера Чад в 2024 – начале 2025 г. даже усилилась. Районы, в том числе северная часть Камеруна, которые ранее не подвергались насилию в таких масштабах, как, например, северо-восток Нигерии, в настоящее время переживают всплеск экстремизма. Участились похищения людей с целью получения выкупа, расширился трафик оружия и боеприпасов. Более того, действия ЗАПИГ стали все чаще распространяться на районы, находящиеся вне зоны действия МНООГ, – на территории Буркина-Фасо, Мали и других стран Сахеля, где группировка либо сотрудничает, либо соперничает в своих действиях с другими исламистскими организациями.

Но вот чего МНООГ добилась, это сближения в отношениях между странами бассейна, прежде всего между Нигерией и ее франкоязычными соседями. Так, между Нигерией и Камеруном в течение многих лет тлел конфликт по поводу принадлежности полуострова Бакасси; разногласия едва не доходили до вооруженных столкновений. В течение всего периода независимости двух стран происходили пограничные конфликты между Нигерией и Чадом за обладание теми или иными озерными островами. Однако благодаря МНООГ стало трудно представить себе начало войн между соседями.

Так, после июльского 2023 г. переворота в Нигере ЭКОВАС, президентом которого в тот момент был президент Нигерии Бола Тинубу, заявило, что силой восстановит демократию в Нигере, отправив в эту страну вооруженный контингент Сообщества. Членство Нигера в МНООГ было аннулировано. Однако сотрудничество между Нигером и Нигерией в рамках МНООГ привело к тому, что многие нигерийские офицеры воспротивились военной интервенции в Нигер и не пожелали сражаться со своими союзниками. Инициатива Тинубу завершилась ничем.

МНООГ является примером миротворческой миссии, для которой фактор «соседства» играет важную роль в достижении позитивных результатов. Большинство миротворческих операций демонстрируют логистические преимущества от вовлечения соседей и соответствующие трудности при привлечении войск издалека. То есть если соседние государства готовы и способны предоставить войска и материально-технические средства, потому что их интересы поставлены на карту, и придерживаются взятых ими на себя обязательств, решение задачи, сформулированной в мандате миссии, пусть и в долгосрочной перспективе, становится реальным.

Новые проблемы в сфере безопасности, с которыми сталкивается мировое сообщество, определяют характер миротворческих операций, практика которых в XXI в. показывает, что традиционная схема «поддержания мира», основывавшаяся на уже заключенных соглашениях о прекращении огня, постепенно уходит в прошлое. Вместо этого миротворческие операции развертываются в зонах активных конфликтов, где миротворцам приходится сражаться с экстремистскими группировками. При этом каждый кризис требует решения, характерного именно для конкретного контекста, в т.ч. объединения уникального набора стран, имеющих свой интерес в разрешении конфликта или заинтересованных в уча-

стии в данной конкретной миссии, и конкретного набора возможностей его разрешения, поэтому общепринятые модели миротворчества не всегда оказываются эффективными.

#### ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Костелянец С.В., Океке О.А.Э. Динамика африканской политики Нигерии в постколониальный период. *Ученые записки Института Африки РАН*. 2021. № 4. С. 56–71.  
Kostelyanets S.V., Okeke O.A.A. The Dynamics of Nigeria's Policy for Africa in the Post-colonial Period. *Journal of the Institute for African Studies*. 2021. № 4. Pp. 56–71. (In Russ.). DOI: 10.31132/2412-5717-2021-57-4-56-71
2. Денисова Т.С., Костелянец С.В. Бассейн озера Чад: территория нестабильности. *Азия и Африка сегодня*. 2024. № 1. С. 33–41.  
Denisova T.S., Kostelyanets S.V. The Lake Chad Basin: Territory of Instability. *Asia and Africa today*. 2024. № 1. Pp. 33–41. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750029645-1
3. De Coning C., Gelot L., Karlsrud J. (ed.). *The Future of African Peace Operations: From the Janjaweed to Boko Haram*. L.: Zed Books, 2016.
4. Alufoge O.K., Duruji M.M. Multinational Joint Task Force's Fight Against Insurgency in the Lake Chad Basin Region. *WSEAS Transactions on Environment and Development*. 2020. Vol. 16. Pp. 794–801. <https://eprints.covenantuniversity.edu.ng/15373/1/MultinationalJointTaskForces.pdf> (accessed 02.01.2025)
5. Assanvo W., Abatan J.E.A., Sawadogo W.A. Assessing the Multinational Joint Task Force against Boko Haram. *West Africa Report*. 2016. № 19. Pp. 1–16. <https://issafrica.s3.amazonaws.com/site/uploads/war19.pdf> (accessed 03.01.2025)
6. Zabala M. Assessing the Effectiveness of the Multinational Joint Task Force. *Accord*, 24.02.2023. <https://www.accord.org.za/analysis/assessing-the-effectiveness-of-the-multinational-joint-task-force> (accessed 03.01.2025)
7. Dauda S., Ukaeje O. An appraisal of Multinational Joint Task Force and Counterinsurgency in the Lake Chad Basin. *University of Nigeria Journal of Political Economy*. 2024. Vol. 14. № 1. Pp. 95–116.
8. Zamfir L. African-led Counter-Terrorism Measures Against Boko Haram. *EPRS*, 09.03.2015. <https://epthinktank.eu/2015/03/09/african-led-counter-terrorism-measures-against-boko-haram> (accessed 03.01.2025)
9. Hoinathy R. Capitalising on Operation Lake Sanity's Success Against Boko Haram. *Institute for Security Studies*, 16.09.2024. <https://issafrica.org/iss-today/capitalising-on-operation-lake-sanity-s-success-against-boko-haram> (accessed 03.01.2025)
10. Onuoha F.Ch., Tchier A.E.Y., Zabala M.L. A Quest to Win the Hearts and Minds: Assessing the Effectiveness of the Multinational Joint Task Force. Oslo: Norwegian Institute of International Affairs, 2023.
11. Stabilization in the Lake Chad Basin: Rebuilding Communities Across 7 Impact Areas. *UNDP*, 23.03.2021. <https://www.undp.org/africa/waca/news/stabilization-lake-chad-basin-rebuilding-communities-across-7-impact-areas> (accessed 04.01.2025)

#### ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Денисова Татьяна Сергеевна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, зав. Центром изучения стран Африки южнее Сахары, Институт Африки РАН, Москва, Россия.

Tatyana S. Denisova, PhD (History), Leading Researcher, Head, Centre for the Study of Africa South of Sahara, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Костелянец Сергей Валерьянович, кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник, зав. Центром социологических и политологических исследований, Институт Африки РАН, Москва, Россия.

Sergey V. Kostelyanets, PhD (Political Science), Leading Researcher, Head, Centre for Sociological and Political Sciences Studies, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию  
(Received) 04.01.2025

Доработана после рецензирования  
(Revised) 12.03.2025

Принята к публикации  
(Accepted) 18.03.2025